

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.И. Барсов

Индифферентизм и скептицизм в
религии : Из журн. "L'enseignement Catholique"
за 1889 г.

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1880. № 1-2. С. 159-179.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010*

Индифферентизмъ и скептицизмъ въ религіи

(двѣ вступительныя лекціи къ курсу богословія) ¹⁾.

Мм. гг. Въ области научныхъ познаній предметъ самый важный и необходимый, изученіе котораго наиболѣе удовлетворяетъ благородной жадѣ знанія, составляющей непреодолимую потребность человѣческой природы,—это наука, имѣющая своей задачей рѣшеніе вопросовъ самаго высшаго порядка,—вопросовъ о Богѣ, о человѣкѣ, о времени и вѣчности, о жизни и ея законахъ, однимъ словомъ—наука о религіи. Вы не должны слѣдовательно удивляться, что эта наука входитъ, какъ главный и основной элементъ умственнаго и нравственнаго образованія человѣка, въ программу вашихъ занятій. Разсматриваемая какъ со стороны своего предмета, такъ со стороны своего высшаго принципа—Божественнаго авторитета, который служитъ ей основаніемъ и гарантіей, наука о религіи повелительно требуетъ вниманія къ себѣ отъ всякаго ума, который мыслить, отъ всякой совѣсти, которая себя испытываетъ. По своему предмету религія касается величайшихъ задачъ жизни: откуда мы произошли и куда стремимся, каковъ принципъ жизни и ея законъ, каково ея послѣднее слово, въ чемъ состоитъ связь, соединяющая конечное съ безконечнымъ, видимое съ невидимымъ, человѣка съ Богомъ. Чего бы человѣкъ ни хотѣлъ и что бы ни дѣлалъ,—онъ не можетъ перестать интересоваться наукой о своемъ происхожденіи, о своей природѣ и о своемъ назначеніи. Незабывная загадка представляется на каждомъ шагѣ одинаково и передъ тѣмъ, кто избѣгаетъ, и передъ тѣмъ, кто ищетъ ея разрѣшенія. Если вопросъ о происхожденіи и назначеніи человѣка не рѣшонъ, то все остается не рѣшеннымъ и темнымъ, и жизни не достаетъ твердаго направленія. Если же, напротивъ, дойдутъ

¹⁾ Извлекаемъ эту статью изъ conférences sur la religion, à l'usage des Lycées аббата Тильо (Tilloy), печатаемыхъ въ парижскомъ журналѣ L'enseignement catholique за настоящій годъ. Эти чтенія заслуживаютъ вниманія какъ образцы того метода, котораго держатся нынѣ въ преподаваніи религіи въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи. Н. Б.

до того, что дадутъ себѣ на эти вопросы точный отчетъ, то свѣтъ, являющийся отсюда, освѣщаетъ нашъ путь и, указывая намъ на нашъ конецъ, научаетъ насъ, въ какомъ направленіи мы должны вести нашу жизнь.

! Такимъ образомъ, гг., религіозный вопросъ господствуетъ надъ всѣми другими научными вопросами и можно сказать, что на немъ опирается знаніе истины. Поэтому нѣтъ изученія болѣе законнаго и болѣе необходимаго какъ то, которое имѣетъ своимъ предметомъ рѣшеніе великихъ задачъ, указанныхъ нами. Напрасно намъ совѣтуютъ забыть эти неуничтожимыя задачи, напрасно совѣтуютъ смотрѣть лишь себѣ подъ ноги, говоря, что нѣтъ ничего вверху, ничего внѣ чувственной природы: всѣ софизмы идеализма и материализма никогда не въ состояніи будутъ ни разрушить нашей вѣры въ божественное, ни потушить въ человѣческомъ духѣ стремленія къ невидимому и безконечному. Вопросы „какъ“ и „почему“ сохранять всегда для всякаго, кто не отказался отъ умственной жизни, непреодолимую притягательную силу, высшую прелесть. Не мало, конечно, есть людей легкомысленныхъ, которые не желаютъ отдавать себѣ въ этотъ отчетъ, но для умовъ серьезныхъ и внимательныхъ, которые чувствуютъ и понимаютъ себя, для людей, желающихъ жить по человѣчески, всегда будетъ существовать непреодолима потребность изучать, рѣшать эти вопросы и сообразовать свою жизнь съ убѣжденіемъ, которое они приобретутъ себѣ путемъ сознательнаго изслѣдованія ихъ. Этому-то изслѣдованію и должно быть посвящено ученіе о религіи, котораго курсъ мы открываемъ.

! Это религіозное изслѣдованіе касается области философіи и области вѣры; философіи, которая, разумеется, не въ состояніи дать намъ ясныхъ и полныхъ рѣшеній, но которая однакоже представляетъ намъ содѣйствіе своего свѣта и своего метода;—вѣры, которая, принимая помощь разума до той точки, гдѣ человѣческое знаніе останавливается полусвѣщенное естественнымъ свѣтомъ разсудка, бросаетъ на этотъ полумракъ лучи откровенной истины, такъ что тамъ, гдѣ философскій разумъ, предоставленный своему собственному свѣту, схватываетъ только тѣни, приходитъ только къ вербальнымъ мнѣніямъ, къ противорѣчивымъ системамъ, откровенное ученіе представляетъ намъ вѣрные рѣшенія, подтвержденные непогрѣшимымъ свидѣтельствомъ Бога и внушающія къ себѣ уваженіе отъ самого разума.

Что касается метода, которому я предполагаю слѣдовать, то я смѣю заявить вамъ, что онъ соответствуетъ какъ величію предмета, такъ и степени вашего умственнаго развитія, равно какъ и характеру современной критики, — что онъ совмѣщаетъ въ себѣ приемы точной науки, которая наблюдаетъ явленія, и философіи, которая отыскиваетъ причины, и вѣры, которая слушаетъ Бога. Мы не можемъ ограничиваться лишь догматическимъ изложеніемъ христіанскаго ученія, какъ это дѣлается въ элементарномъ курсѣ Закона Божія. Условія настоящаго времени, потоки невѣ-

рія, которое проникаетъ въ общество и не щадитъ и вашего возраста; наконецъ степень вашего умственнаго развитія не оставляютъ возможности довольствоваться такимъ изложеніемъ, которое было достаточно при ясности вѣрованій младенчества. Достигши возраста зрѣлыхъ убѣжденій, возбужденные шумомъ, который производитъ вокругъ васъ критика, затрогивающая даже основанія вашей вѣры, вы хотите знать, чего вамъ держаться въ области вѣрованій. Вы хотите, чтобы ваша вѣра была убѣжденіемъ свободнымъ, обдуманнымъ, разумнымъ. Для васъ уже недостаточно, чтобы вамъ говорили о томъ, чему вы *должны* вѣровать; вы хотите, чтобы вамъ сказали, *почему* вы должны вѣровать; чтобы вамъ дали опору для вашей вѣры. Такое умственное состояніе ваше обязываетъ вашего законоучителя измѣнить программу и методъ элементарныхъ чтеній и приступить къ трудностямъ, воздвигнутымъ критикою, придать всему преподаванію характеръ болѣе научный. Итакъ, я не буду игнорировать ничего ни изъ открытій науки, ни изъ заключеній философіи о вопросахъ, которые мы будемъ разбирать: но я имѣю въ виду вѣстѣ съ тѣмъ отчетливо излагать и ученіе вѣры, и да будетъ мнѣ позволено присоединить къ свѣту знаній человѣческихъ и свѣтъ науки религіозной, свѣтъ мудрости Божественной, открываемой намъ въ словѣ Божіемъ.

Послѣ этихъ необходимыхъ предварительныхъ замѣчаній, прежде чѣмъ приступить къ вопросамъ нашей программы, я хочу 1) опровергнуть систему, которая имѣетъ предметомъ устранить насъ отъ всякой заботы объ изученіи религіи, и 2) показать, что этотъ индифферентизмъ очень подозрителенъ въ своихъ истинныхъ причинахъ, каковы суть невѣжество, ложное направленіе ума и слабость воли.

I.

Всякое религіозное ученіе необходимо сводится къ тремъ главнымъ пунктамъ: Богъ, вселенная и человѣкъ. Богъ разсматривается, какъ необходимое начало и конецъ вещей, вселенная и человѣкъ разсматриваются въ ихъ происхожденіи, природѣ и въ ихъ отношеніяхъ къ Богу, Который есть ихъ начало и конецъ. Вопросы, относящіеся къ этимъ пунктамъ, принадлежать къ самому высшему разряду человѣческихъ познаній, они самыя интересныя, самыя достойныя нашего вниманія, и каждый серьезный и разсудительный умъ не могъ бы, не обманувъ самого себя, устранить ихъ отъ своего изслѣдованія. Эти вопросы слѣдующіе: какое мѣсто занимаетъ человѣкъ въ мірѣ

и что онъ долженъ въ немъ дѣлать? Есть ли міръ причина самого себя или онъ имѣеть Творца? Дѣйствительно ли онъ есть произведеніе Причины верховной, разумной и свободной, и не есть только дѣйствіе слѣпаго порядка? Остается ли верховная и творческая Причина чуждою нашей дѣятельности, и можемъ ли мы быть безразличны для ней? Существо безконечное, абсолютное не есть ли отвлеченный идеалъ, безъ реальности, безъ личности, или напротивъ оно есть реальный Богъ, живой и личный, отецъ, владыка, законодатель и судія человечества? Что такое религія, что такое долгъ, что такое добродѣтель? Имѣеть ли то, что обозначается этими словами, реальное бытіе, или это лишь чувство чисто субъективное? И въ первомъ случаѣ, свободенъ ли человекъ безвакантно нарушать предписанія долга и добродѣтели? Настоящая жизнь есть ли послѣдняя цѣль человѣческаго существованія, или она есть только время испытанія и приготовленія къ иной жизни? За предѣлами этого міра есть ли другое бытіе, которое объяснить тайны, противорѣчія, неровности и исправить все несправедливости жизни настоящей? Есть ли смерть конечный предѣлъ человѣческаго существованія или, напротивъ, она открываетъ собою новый міръ, гдѣ высшая сила, сотворившая этотъ видимый міръ и управляющая имъ,—сила, часто скрытая, но никогда не отсутствующая,—разрѣшить молчаніе, которое она хранитъ относительно большей части нашихъ дѣйствій, и оправдать часто порицаемое маловѣріемъ и невѣріемъ свое Провидѣніе, увѣличавъ непризнанную на землѣ добродѣтель и наказавъ наглые усѣхи порока.

Гдѣ Свѣтъ разума достаточенъ ли для рѣшенія этихъ вопросовъ, или человекъ нуждается для этого въ высшемъ свѣтѣ, въ сверхестественной помощи и небесномъ руководствѣ? Между нѣсколькими положительными религіями, существующими въ человечествѣ,—которыя все утверждаютъ фактъ этой высшей божественной помощи человеку и изъ которыхъ каждая приписываетъ себѣ въ этомъ преимущество,—есть ли какая нибудь одна, которая носитъ въ себѣ подлинный и несомнѣнный характеръ сверхестественнаго происхожденія, или все положительныя религіи должны быть разсматриваемы какъ послѣдовательныя формы, въ которыхъ обнаруживался

въ различныя эпохи исторіи и цивилизаціи лишь естественный религіозный инстинктъ народовъ?

Таковъ предметъ религіознаго преподаванія, разсматриваемый въ самомъ себѣ и въ его отношеніяхъ къ современной критикѣ. Всѣ эти вопросы, философскіе и богословскіе, въ той или другой формѣ составляютъ предметъ великой борьбы нашего времени, борьбы, по отношенію къ которой мы не можемъ оставаться безразличными, потому что намъ необходимо знать, какъ относиться къ вопросамъ, касающимся насъ такъ близко. Мы далеки отъ мысли оспаривать важность естественныхъ наукъ. Мы признаемъ не менѣе кого-либо другого ихъ важность и даже необходимость для юности, которое предназначаетъ себя для свободныхъ общественныхъ профессій. Да, упражняйтесь въ наукахъ и словесности, изучайте съ ревностью математику и физику, химію и естественную исторію, геологію и географію, исторію и психологію. Приобрѣтеніе этого рода познаній есть законное право разумнаго существа, предназначеннаго для господства надъ міромъ физическимъ и въ то же время подчиняющагося въ своей личной индивидуальной жизни безотчетнымъ физическимъ инстинктамъ своей природы; въ стремленіи къ изученію этихъ наукъ выражается любовь къ истинѣ и столь естественное желаніе объяснить великую книгу творенія и обнаружить ея скрытыя сокровища. Мы привѣтствуемъ отъ всего сердца усѣбхи всѣхъ этихъ наукъ, потому что онѣ предметомъ своимъ имѣютъ познаніе дѣлъ Божіихъ и генія челоука; мы привѣтствуемъ это великолѣпное, годъ отъ году возрастающее торжество духа надъ матеріей, достигнутое знаменитыми учеными, которые изучаютъ и объясняютъ законы природы, измѣряютъ неизмѣримость небесъ, отыскиваютъ въ нихъ новыя свѣтила. Мы привѣтствуемъ колоссальные труды этихъ неутомимыхъ пионеровъ знанія, которые сумѣли открыть, изучить и направить на пользу промышленности, наукъ и искусствъ самыя могущественныя, самыя скрытыя силы природы. Уподобляясь Всемогущему, наука дѣлаетъ вѣтры своими крыльями и огонь своимъ слугою. Она сдѣлала молніи ручными и бури покорными. Подъ пламенными стопами пара и электричества разстоянія уничтожаются и отдаленнѣйшія страны

земли сближаются между собою. Но какъ бы ни были чудесны результаты естествознанія, которое научаетъ васъ уравнивать долины, прорѣзывать горы, украшать земное отечество, улучшать условія существованія, позвольте однако сказать, что эти успѣхи не составляютъ всѣхъ условій человѣческаго счастья. Выше этой науки о видимой природѣ есть еще другая наука болѣе важная, которою человѣкъ не можетъ пренебрегать, которая даетъ ему отчетъ о немъ самомъ, его началѣ и концѣ, о его происхожденіи и назначеніи: это наука о религіи, которая говоритъ о Богѣ и человѣкѣ и о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между ними. Нѣтъ неизбѣжной необходимости для человѣка владѣть всѣми естественными познаніями, быть глубокимъ математикомъ или великимъ философомъ; но что необходимо и безусловно необходимо для каждаго—это знать: зачѣмъ я нахожусь на землѣ, я, который раньше или позже, долженъ ее покинуть; для какой цѣли я здѣсь существую; къ какой цѣли долженъ я направлять мои труды, и какіе законы долженъ я исполнять, чтобы достигъ этой цѣли; однимъ словомъ: каково мое назначеніе и какимъ способомъ я могу достигнуть его. Понятно, что безъ этихъ познаній изученіе всѣхъ другихъ наукъ не имѣло бы особенной цѣны. Наши разнообразныя труды остались бы безъ цѣли и безъ причины, и наши дѣйствія были бы не болѣе, какъ механическія движенія автомата, который дѣйствуетъ такъ, а не иначе только потому, что такъ заведены его колеса. Какая польза въ томъ, что я знаю всѣ естественныя науки, если я не знаю главнаго — науки о самомъ себѣ, составляющей предѣлъ и цѣль всѣхъ познаній. Представьте себѣ, что вы встрѣчаете путешественника, идущаго на удачу со своей поклажей на плечахъ, который сказалъ бы вамъ, что онъ не знаетъ ни откуда онъ идетъ, ни куда онъ направляется, что онъ не имѣетъ опредѣленной цѣли и не хочетъ даже освѣдомиться о предѣлѣ, къ которому онъ долженъ стремиться. Вы сказали бы, что этотъ человѣкъ находится не въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей. Но такое состояніе не похоже ли на состояніе человѣка, который, ясно сознавая всю важность вопросовъ о своемъ происхожденіи, природѣ и судьбѣ, о конечномъ и безконечномъ,

нѣсколько бы не заботился достигнуть категорическаго рѣшенія этихъ вопросовъ, того рѣшенія, которое ему можетъ дать лишь религія?

Такимъ образомъ во все время всемирной исторіи все возвышенные умы и честныя души нѣсколько не сомнѣвались въ важности этихъ вопросовъ, въ необходимости найти на нихъ отвѣтъ. Они разсматривали ихъ какъ основаніе и исходный пунктъ всякой морали, всякой философіи и всякой религіи. И древніе философы, несмотря на мракъ, облежавшій ихъ умственный горизонтъ, и на ихъ безсиліе рѣшить вполнѣ эти великія задачи, провозглашали какъ первое правило мудрости это знаменитое изрѣченіе: „*познай самого себя*“. И такъ индифферентизмъ по отношенію къ предметамъ религіознаго образованія во всякомъ случаѣ безразсуденъ и преступенъ; безразсуденъ потому, что первая потребность, первый законъ человѣческаго духа состоитъ въ томъ, чтобы знать самого себя въ своемъ происхожденіи, въ своей природѣ, въ своемъ назначеніи и въ своихъ отношеніяхъ къ Богу и міру; преступенъ по тому уже одному, что индифферентизмъ осуждаетъ духъ на незнаніе того, что ему нужно болѣе всего знать. Прибавлю, что если мы будемъ разсматривать познаніе религіи со стороны ея положительнаго авторитета, то и тогда индифферентизмъ будетъ не менѣе безразсуденъ и не менѣе преступенъ.

Относительно всей совокупности фактовъ и законовъ, которые составляютъ религіозное знаніе, христіанство представляетъ намъ ученіе, которое основывается на авторитетѣ самого Бога, и утверждаетъ, что оно есть божественное откровеніе; между тѣмъ его догматы отвѣчаютъ на все интересующіе насъ вопросы о происхожденіи, природѣ, обязанностяхъ и назначеніи человѣка. При существованіи такихъ положительныхъ и точныхъ преданій, постоянно преемствуемыхъ въ теченіе 18-ти столѣтій между милліонами вѣрующихъ, можно ли быть столь безнечнымъ, чтобы отвергать съ улыбкой презрѣнія, какъ недостойную-де нашего изслѣдованія, религію, которая является передъ нами какъ выраженіе истины касательно всехъ великихъ задачъ жизни? Нѣтъ, потому что независимо отъ интереса, связаннаго съ этими задачами, христіанство

занимаєть въ исторіи челоуѣчества и въ особенности въ преданіяхъ европейскихъ народовъ мѣсто слишкомъ важное для того, чтобы позволительно было серьезному уму проходить мимо его, не удостоивая даже ознакомиться съ авторитетомъ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя оно представляетъ въ подкрѣпленіе своего ученія, и наконецъ исключить его изъ программы своихъ занятій. Христіанство— господствующая религія въ Европѣ; оно составляетъ религію вашихъ семействъ, вашу собственную; оно имѣетъ всюду своихъ учениковъ во всѣхъ классахъ общества, во всѣхъ климатахъ; оно имѣетъ іерархію, которая блистаетъ во всѣхъ концахъ земнаго шара; оно приобрѣло привязанность, удивленіе самыхъ лучшихъ геніевъ; оно проникло въ наши учрежденія, въ наши законы, наши нравы, и у всѣхъ народовъ, принявшихъ его, породило новую цивилизацію. Разсматриваемое съ одной челоуѣческой точки зрѣнія, христіанство есть величайшее событіе исторіи, есть могущественнѣйшее учрежденіе изъ всѣхъ, намъ извѣстныхъ, возбуждающее наше вниманіе и уваженіе тою непобѣдимую силою, по которой оно устояло противъ всѣхъ противодѣйствій, противъ всѣхъ нападеній въ теченіе 18-ти вѣковъ. Сами его противники не могутъ не удивляться его ученію. „Христіанство, говоритъ одинъ изъ нихъ, есть самая совершенная и, если можно такъ выразиться, самая религіозная изъ религій“ ¹⁾. „Церковь, говоритъ другой, имѣетъ отвѣты на всѣ интересующіе насъ вопросы; она научаетъ челоуѣка о его началѣ и его концѣ, т. е. обо всемъ томъ, что ему необходимо для направленія и утѣшенія въ своей жизни“ ²⁾. „Она соединяетъ самую умную метафизику съ самой совершенной и, если можно такъ выразиться, самой реальной простотою...“ ³⁾.

Религія, которая представляетъ, по признанію противниковъ ея, такія черты величія, — ученіе, которое содержитъ „отвѣты на всѣ вопросы, насъ интересующіе,“ можетъ ли не возбуждать само по себѣ всего нашего вниманія. Я согласенъ съ тѣмъ, чтобы это ученіе принималось послѣ обсужденія свидѣтельствъ, которыя оправдывали бы

¹⁾ Renan, Etudes religieuses, p. 19, 21.

²⁾ Jules Simon, Religion naturelle, preface.

³⁾ Jules Simon, Liberté de conscience, introduction.

истинность его передъ разумомъ; но отвергать его, съ самаго перваго взгляда и по предубѣжденію безъ всякаго изслѣдованія его внутренней истины, было бы конечно доказательствомъ легкомыслія и безпечности, которыя осуждаются одинаково и разумомъ и совѣстью.

Итакъ слѣдуетъ дать себѣ отчетъ въ великомъ фактѣ учрежденія христіанства, изучить его въ его началѣ и въ его развитіи, найти объясненіе успѣха этой религіи, которая во все время имѣла преимущество овладѣвать человѣческой душою, внушать самое геройское самоотверженіе, равно какъ и возбуждать самую непримиримую ненависть со стороны своихъ противниковъ; разуму нужно знать, почему ему должно держаться авторитета христіанскаго символа, который „содержитъ въ себѣ отвѣтъ на все вопросы“ и который исповѣдуются во всехъ странахъ земнаго шара, на всехъ языкахъ; слѣдуетъ знать, можетъ ли этотъ символъ, который соединяетъ „самую возвышенную метафизику съ самой реальнѣйшей простотою“ и передъ которымъ склонялись лучшіе гении цивилизаціи, какъ-то: Августинъ, Паскаль и Декартъ, Боссюэтъ и Лейбницъ,—выдержать испытаніе и получить согласіе нашего разума.

Вотъ что здравый смыслъ, разумъ и нашъ собственный интересъ повелѣваютъ намъ. Хотѣть отвратить ваше вниманіе отъ ученія, которое предлагается вамъ какъ высокоавторитетное, хотѣть исключить его изъ программы вашихъ занятій, не освѣдожившись даже о важности писаній, которыя служатъ свидѣтельствомъ его истины, это значитъ обнаружить неразумность и—даже болѣе—положительное безразсудство. Нужно или принять божественное начало христіанства и покориться его ученію, или же отвергнуть и въ послѣднемъ случаѣ смотрѣть на него, какъ на дѣло чисто человѣческое. Между этими двумя крайностями для васъ невозможна середина. Но, что бы быть основательнымъ, для этого всякое утвержденіе, равно какъ и всякое отрицаніе истины ученія, предполагаетъ знаніе, изслѣдованіе этого ученія; слѣдовательно сказать, что мы не хотимъ изслѣдовать божественность христіанства, отказываемся повѣрять истинность его ученія о великихъ задачахъ жизни, это значитъ нарушить законъ человѣческаго духа. Мы должны сознаться, что встрѣчаются

люди, которые бывають согласны въ этомъ случаѣ отказаться отъ самаго лучшаго преимущества своей природы, отнестись безучастно къ самымъ важнымъ предметамъ, равно какъ есть не мало и такихъ, которые хвалятся своимъ скептицизмомъ, присутствуя съ улыбкою на устахъ и повидимому съ холодомъ въ сердцѣ при великихъ религиозныхъ торжествахъ, называя ихъ комедіями. Но это доказываетъ только то, что для легкомыслия человѣка нѣтъ границъ. Мы съ своей стороны можемъ лишь жалѣть такихъ людей...

§27 Безразсудный и преступный въ самомъ себѣ, религиозный индифферентизмъ, если мы его будемъ разсматривать въ его послѣдствіяхъ, есть чудовищная нечеловѣчность. Если бы существованіе человѣка ограничивалось узкою сферою земной жизни, еслибы вопросы о происхожденіи и назначеніи были только одною отвлеченною теоріею, не предписывающею никакого долга, никакой практической обязанности, то можно было бы объяснить, если не оправдать, этотъ упорный индифферентизмъ. Но дѣло въ томъ, что религія въ существѣ своемъ практична; она не есть только теорія, она законъ обязательный для всѣхъ людей, имѣющій свою санкцію, — законъ, котораго мы не можемъ не знать, не подвергая опасности самыя дорогіе наши интересы. Я безнаказанно могу не знать трудныхъ задачъ математики и геометріи; это незнаніе никонимъ образомъ не подвергнетъ опасности моей будущности. Но знать — есть или нѣтъ Богъ, Творецъ, Законодатель и Судія челоувѣчества, постановилъ ли этотъ Богъ челоувѣку обязанности, въ которыхъ Онъ потребуетъ отчета; знать, есть ли за могилою высшая жизнь, которая исправитъ несправедливости настоящей жизни, накажетъ преступленія и наградитъ добродѣтели; знать, открылся ли Богъ челоувѣку, основалъ ли Онъ религію, предписанія которой мы должны слѣдовать подъ страхомъ подвергнуться приговору Его правосудія въ будущей жизни: это ни для кого не безразлично. Игнорировать такой великій предметъ, отказываться отъ рѣшенія этихъ великихъ задачъ, отвѣчая: какая мнѣ нужда до нихъ, — это значитъ обнаружить самую безумную неосмотрительность.

§28 Мнѣ остается теперь показать вамъ, что индифферентизмъ по отношенію къ вопросамъ религіи, разсматриваемый какъ въ своихъ

причинахъ, такъ въ оправданіяхъ, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, обнаруживаетъ въ самомъ себѣ поразительное забвеніе правилъ какъ логики ума, такъ и логики нравственнаго долга.

II.

Первая причина скептицизма это—невѣжество въ предметахъ религіи. Странная вещь! возраженія челоѣка, ничего незнающаго о положеніяхъ естественныхъ наукъ, противъ физики, химіи, механики вызываютъ нашу улыбку. Мы не придаемъ имъ никакого значенія, потому что возражающій совершенно не компетентенъ въ той наукѣ, которой заключенія, наилучшимъ образомъ доказанныя, онъ оспариваетъ. Когда же дѣло идетъ о религіи, заключающей въ себѣ все, что есть самаго возвышеннаго въ культурѣ челоѣческаго духа, обыкновенно думаютъ, что и безъ предварительнаго ея изученія можно пренебрегать ею или противорѣчить ея ученію; и отрицанія, даже когда они исходятъ отъ писателей, никогда не изучавшихъ религіи или изучавшихъ ее весьма поверхностно, неполно, принимаются какъ приговоры знанія. Кто не видалъ юношей, съ гордостію провозглашающихъ, что они ничему болѣе не вѣрятъ. Для нихъ учителя и родители, Церковь и преданія, великіе люди и великіе вѣка,—все это для нихъ ложь, глупость, суевѣріе, мракъ. Они одни знаютъ все. Для всякаго очевидно, что сужденія, которыя эти юноши безъ изслѣдованія произносятъ о религіи, не имѣютъ никакого значенія передъ судомъ здраваго смысла, потому что они высказаны не компетентными судьями. И не удивительно, что эти молодые люди относятся совершенно безразлично къ религіи, которой они не знаютъ, которой ученіе они такъ свысока третируютъ, въ которую они никогда не углублялись. Другое дѣло отрицанія, высказываемыя писателями и учеными болѣе или менѣе извѣстными, которые знаютъ всѣ науки, за исключеніемъ, впрочемъ, науки о религіи. Здѣсь есть надъ чѣмъ подумать. Но и здѣсь мы охотно соглашаемся съ выводами, которые они намъ даютъ въ области знанія о природѣ которымъ они владѣютъ; но въ наукѣ, въ которой они не знаютъ даже азовъ или которую они изучали очень поверхностно, ихъ сужденіе

не имѣть значенія; они не компетентны, потому что не знаютъ предмета, о которомъ высказываются.

33 Сколько разъ, читая произведенія писателей важныхъ и серьезныхъ, но враждебныхъ или просто индифферентныхъ по отношенію къ религіи, я останавливался, смущенный и какъ бы оглушенный ихъ глубокимъ невѣжествомъ въ религиозныхъ предметахъ. И враждебностью такихъ-то ученыхъ пользуются, чтобы оправдать свой индифферентизмъ! Отвергаютъ религію по свидѣтельству тѣхъ, которые осуждаютъ ее, не зная ея! Согласитесь, гг., что отрицаніе, такъ мало мотивированное, не можетъ быть названо ни философскимъ, ни научнымъ. Неужели вы думаете, что Боссюэтъ, Фенелонъ, Паскаль, Мальбраншъ, Декартъ и еще прежде нихъ Тома Аквинатъ, Ансельмъ, Августинъ посвятили бы свою жизнь на защиту нелѣпостей и умерли бы, исповѣдая химеры? Неужели вы думаете, что свидѣтельство этихъ ученыхъ, которые глубоко изучили науку о религіи, должно имѣть значеніе не больше, чѣмъ свидѣтельство ученыхъ, не знающихъ ее? Неужели вы думаете, что въ теченіе 18-ти вѣковъ столько людей несравненныхъ по своему генію, знанію и добродѣтели могли рѣшиться со столь удивительнымъ согласіемъ исповѣдывать смѣшное ученіе и исповѣдывать его съ такою глубокою вѣрою, что многіе изъ нихъ не усумнились бы запечатлѣть его своею кровью? Признайтесь по крайней мѣрѣ, что это было бы крайне странное явленіе, явленіе небывалое въ исторіи. „Но что же они нашли“, восклицаетъ Боссюэтъ въ негодованіи на то предубѣжденное легкомысліе, съ которымъ невѣрующіе высказываются о религіи, „что же они, эти невѣрующіе нашли въ христіанствѣ такого, что они познали лучше, нежели другіе? Какое невѣжество, и какъ легко было бы ихъ опровергнуть, — если бы они, робкіе и предубѣжденные, не боялись быть вразумленными! Думаютъ ли они, что лучше увидѣли тѣ трудности, которыхъ они не преодолѣли, чѣмъ другіе, которые видѣли и презрѣли ихъ?“ Мы требуемъ отъ индифферентистовъ и невѣрующихъ, чтобы они, прежде нежели осуждать догматы христіанства, произвели серьезное и внимательное изслѣдованіе ихъ. Справедливость и законность требуютъ, чтобы они не высказывались противъ насъ прежде, не-

жели выслушаютъ насъ. Пусть они изслѣдуютъ религію въ ея источникахъ, ея ученіи, съ духомъ свободнымъ отъ предразсудковъ, съ прямою и чистою волею, съ полною добросовѣстностью и тогда пусть высказываются! Печать истины такъ явно впечатлѣна на нашемъ ученіи, что мы не сомнѣваемся въ результатъ ихъ изслѣдованія.

Вторая причина индифферентизма по отношенію къ религіи есть предубѣжденная и ничѣмъ неоправданная увѣренность въ результатахъ, достигнутыхъ и имѣющихъ быть достигнутыми науками положительными. Мы отдаемъ честь наукамъ, которыя спеціально занимаются матеріальными интересами, и едва ли было бы справедливо не привѣтствовать тѣ побѣды, которыя онѣ совершили въ области изученія природы. Мы знаемъ и вмѣстѣ съ Дантомъ провозглашаемъ, что всѣ науки суть сестры между собою, что *промышленность есть дочь Бога и отображеніе божественнаго могущества*, которое сотворило и управляетъ міромъ. Религія, философія, индустрія суть составныя части одного цѣлаго.

Но исключительное изученіе естественныхъ наукъ влечетъ за собою опасное искушеніе, устоять противъ котораго нужно умѣнье. Вслѣдствіе успѣховъ, достигнутыхъ и имѣющихъ быть достигнутыми въ изученіи природы, возникли надежды болѣе химерическія, нежели удобоосуществимыя, о возможности подобныхъ же открытій въ области отвлеченныхъ началъ; естествознаніе стало слишкомъ много воображать о своихъ силахъ и, подобно всѣмъ великимъ силамъ, оно забыло свои границы. Изъ порядка естественныхъ вещей, который собственно ему принадлежитъ, оно вторглось въ порядокъ сверхъестественный, гдѣ и запуталось. Гордясь своими успѣхами, наука о природѣ надѣется найти объясненіе міра сверхъестественнаго посредствомъ міра естественнаго, ключемъ котораго она владѣетъ, и она пророчитъ эпоху, когда въ состояніи будетъ бросить свѣтъ на всѣ факты, доселѣ еще необъясненные. Для науки о природѣ не должно быть больше тайнъ и настанетъ день, въ который человекъ, посредствомъ совершеннѣйшаго изученія законовъ природы, овладѣетъ причиною всѣхъ вещей. Основательны ли эти надежды?

Нѣтъ; потому что чѣмъ болѣе будутъ распространяться наши познанія въ области естествознанія, тѣмъ болѣе должны они, вмѣсто возростанія нашего предубѣжденія противъ религіи, влиять намъ болѣе глубокое чувство неполноты и недостаточности нашихъ знаній и нашей природной неспособности къ познанію божественныхъ предметовъ. Зрѣлище матеріальной вселенной, со дня на день расширяющееся болѣе и болѣе, все болѣе и болѣе уясняетъ намъ, какъ мало мы знаемъ о духовной вселенной. Знаніе, что есть нѣкоторыя вещи, которыхъ мы не можемъ знать, есть само по себѣ знаніе столь же драгоценное, сколько и вѣрное, и нельзя оказать большей услуги наукамъ, какъ вѣрно опредѣлять ея границы ¹⁾ Вотъ чему учить истинная наука устами доктора Чальмера и великихъ ея представителей, въ родѣ Паскаля, Лейбница, Ньютона, Вольты, Ампера, Бю, Коши и т. д. Эти ученые признаютъ границы для человѣческаго разума, уважаютъ ихъ и преклоняются предъ безконечнымъ Божествомъ. Вторая ошибка науки о природѣ та, что она, долженствуя быть положительной, является весьма часто исключительной или абсолютной, вслѣдствіе чего нѣкоторые естествоиспытатели отбрасываютъ въ область вымысловъ всякое религиозное и нравственное положеніе, которое нельзя превратить въ точныя формулы или которому нельзя придать геометрической очевидности; они не хотятъ принимать другихъ фактовъ кромѣ тѣхъ, которые могутъ восприниматься и повѣряться чувственнымъ опытомъ. Занявшись исключительно изученіемъ матеріи и ея законовъ, они привыкаютъ думать, что нѣтъ другихъ законовъ кромѣ тѣхъ, которые выводятся изъ уравненій или физическихъ опытовъ. Кто не видитъ, что подобное направленіе способно благоприятствовать тамъ, гдѣ оно господствуетъ, индифферентизму къ христіанской истинѣ. Отсюда, г. г., происходитъ значительное уменьшеніе религиозной и философской вѣры въ умахъ. Тогда какъ низшая и средняя области положительныхъ знаній все болѣе и болѣе освѣщаются, тѣнь распространяется и спускается надъ высотами мысли. Мракъ, который снизу удаляется передъ лучами естественныхъ наукъ, поднимается въ высоты и окружаетъ ихъ и, такъ какъ не вѣрять

¹⁾ Le docteur Chalmers, Natural Theology, I. II, p. 249.

болѣ ничему кромѣ свидѣтельства чувствъ и уравненій, то духъ материализуется и теряетъ изъ вида высшее начало, изъ котораго происходятъ законъ, жизнь и мысль. Существенно невѣренъ тотъ методъ, который подъ предлогомъ затрудненія въ доказательствахъ, признаетъ только одинъ разрядъ истинъ. одинъ способъ доказательствъ: потому что такимъ образомъ онъ устраняетъ отъ взоровъ чловѣка трансцендентныя реальности и черезъ это самое отвергаетъ всю совокупность религиозныхъ и нравственныхъ истинъ. Какимъ образомъ сторонники этой исключительности не видѣли, что ихъ методъ въ то же время разрушаетъ всю философію, всю нравственность, всѣ знанія, основанныя на инстинктѣ, чувствѣ, свидѣльствахъ, однимъ словомъ все, что не есть цифра, все, что не подлежитъ чувствамъ? Мнѣ кажется, что крайность подобныхъ выводовъ достаточно опровергаетъ самые выводы; и если они за всѣмъ тѣмъ спросятъ, почему увѣренность въ предметахъ религиозныхъ не достигаетъ очевидности въ томъ смыслѣ, въ которомъ они ее понимаютъ, то я попрошу ихъ вдуматься въ слѣдующую страницу писателя, котораго никто не заподозритъ въ излишнемъ мистицизмѣ:

«Чтобы борьба, награда за которую есть безсмертіе, была возможна, нужно было, чтобы надъ нашею душею было достаточно мрака для совершенія заслуги и достаточно свѣта, чтобы возсіяла вѣра. Безъ этого мрака божественный свѣтъ ослѣпилъ бы душу истинною и добродѣтельною, нарушилъ бы равновѣсіе между добромъ и зломъ, между свѣтомъ и мракомъ. Грѣхъ пересталъ бы быть возможнымъ и святость перестала бы быть заслугою. Чловѣкъ не имѣлъ бы вліянія на свою собственную судьбу. Переставъ быть свободнымъ, онъ пересталъ бы быть чловѣкомъ; его принужденная добродѣтель лишила бы его добровольной добродѣтели; вотъ разрѣшеніе этой загадки. Разрѣшеніе жесткое и тяжелое, но божественное. Разрѣшить эту загадку — вотъ дѣло и назначеніе чловѣка отъ колыбели до могилы. Когда нибудь эта тайна откроется намъ въ ея истинѣ и въ ея полнотѣ; теперь намъ предоставлено оплакивать ее, а тогда мы будемъ только благословлять и почитать ее¹⁾».

Остережемся отъ этой узкой и несправедливой исключительности, которая безъ изслѣдованія и по предубѣжденію отвергаетъ

¹⁾ De Lamartine.

изученіе религіи подѣ тѣмъ предлогомъ, что достовѣрность въ предметахъ религіозныхъ не достигаетъ математической или физической очевидности. Я охотно признаю, что математикъ напр. никогда ничего не пойметъ въ религіи, если онъ будетъ въ ней искать математическихъ доказательствъ, которыхъ въ ней не существуетъ. Но человѣкъ имѣетъ не только математическія и физическія достовѣрности; онъ имѣетъ еще достовѣрности созерцанія, разума, сердца; онъ имѣетъ достовѣрности историческія, которыя представляются ему съ авторитетомъ не меньшимъ, чѣмъ физическая или математическая очевидность. Мы должны принять это во вниманіе и отвергнуть эту антифилософскую исключительность, которая, устраняя главнѣйшіе способы изслѣдованія, находящіеся въ распоряженіи человѣка, не достигаетъ ничего кромѣ сужающагося круга знаній. Говорятъ, что когда родители барона Коши спросили совѣта у Лагранжа касательно порядка обученія своего геніальнаго математика сына, то Лагранжъ отвѣчалъ: „Не позволяйте ему открывать математической книги прежде, чѣмъ онъ окончитъ курсъ словесныхъ наукъ“. Указывая такую программу занятій для математика отъ природы, Лагранжъ имѣлъ въ виду подчинить его самой плодотворной дисциплинѣ. Мы не хотимъ сказать, чтобы естественныя науки были сами по себѣ губительны, но онѣ необходимо должны быть сопровождаемы философскимъ и нравственнымъ образованіемъ, которое служило бы имъ противовѣсомъ. Умъ, наиболѣе зрѣлый и способный наблюдать совокупность истинъ,—тотъ, который изучитъ науки духа и науки матеріи въ стройной параллели.

Всѣ великіе ученые были религіозны, потому что всѣ знанія, проходя передъ лицомъ этихъ обширныхъ умовъ, сохраняли въ нихъ прекрасное равновѣсіе. Я могу здѣсь указать на богословское образованіе Паскаля и Декарта, Ньютона, который провелъ послѣдніе годы своей жизни въ изслѣдованіи тайнъ Апокалипсиса, Эйлера, который оставилъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Защита Откровенія“ Лейбница, который былъ настолько знакомъ съ религіозными вопросами, что могъ предлагать возраженія Боссюэту. Наконецъ большое число научныхъ свѣтилъ въ Германіи, Англии,

Америвъ, не считая французскихъ, каковы Кювье, Алекс. Бронгаръ, Вине, Бю, Амперъ, Коши, Марсель де-Серръ и де-Бленвиль, свидѣтельствуютъ, что удаляетъ отъ вѣры не обладаніе знаніемъ природы, но отсутствіе знанія религіи.

Въ Скольکو натуралистовъ, вслѣдствіе неполноты своего образованія, принимаютъ за вселенную только то, что они въ ней знаютъ, и мѣрятъ истину количествомъ своихъ опытовъ! Это умы не уравновѣшенные, потому что слишкомъ большая тяжесть на одной сторонѣ ихъ головного мозга и слишкомъ малая на другой превѣшиваетъ вѣсы ихъ разсудка въ одну сторону. Излагая принципы скептицизма, я принялъ во вниманіе только одинъ элементъ умственный. Но въ скептицизмъ участвуетъ еще элементъ нравственный, гораздо болѣе важный.

Каковы бы ни были предразсудки и заблужденія ума въ отношеніи къ религіи, не слѣдовало бы отчаиваться въ перемены къ лучшему, если бы имъ не содѣйствовало разстройство воли. Способъ воспитанія, вліяніе среды, интересы, честолюбіе, во что бы то ни стало ищущее популярности, могутъ вести къ индифферентизму. Но ни для кого не тайна, что если религія встрѣчаетъ такое большое число противниковъ, то не потому, что у ней нѣтъ математической или физической доказательности, но потому что она есть правило и узда, и что всякій не безъ труда вѣрить истинамъ, налагающимъ на него трудныя обязанности; эти такъ называемые индифферентные умы, часто суть не что иное какъ больныя совѣсти, и пора ихъ отступленій отъ христіанства есть именно пора ихъ дурныхъ увлеченій; такимъ образомъ истинная причина этихъ отступленій отъ вѣры есть не таинственная неясность нашего догмата, но чистая строгость христіанской нравственности не мирящейся со страстями. Еще Мальбраншъ сдѣлалъ слѣдующее остроумное замѣчаніе: „если математическія науки отличаются неоспоримой очевидностью, то это потому, что никакая человѣческая слабость не заинтересована въ опроверженіи ихъ; но если бы когда нибудь квадратъ гипотенузы или биномъ Ньютона сопровождался какою нибудь нравственною обязанностью, геометрія сдѣлалась бы предметомъ софистики“.

Вотъ младенецъ. Набожная мать, умный учитель бросили сѣмена вѣры въ его молодую душу, которая вскорѣ сдѣлалась плодотворнымъ полемъ, гдѣ подъ влияніемъ религіознаго воспитанія раскрылись и распустились весенніе цвѣты чистоты и благочестія. Религія, симпатичная для его разума и для его сердца, сама собою вѣдрилась въ нихъ безъ усилій. Онъ даже не подозрѣвалъ, чтобы можно было высказать малѣйшее сомнѣніе въ истинѣ религіи, которая покорила его разумъ величіемъ и высотой своихъ догматовъ, увлекла его сердце святостью своей морали, возбудила его удивленіе поэзіею своего богослуженія. Но ребенокъ выросъ, и вотъ пламенная вѣра первыхъ годовъ уступила мѣсто индифферентизму, увлеченіямъ души, независимости ума и сердца. Этотъ блудный сынъ удалился отъ храмовъ Божіихъ, которые онъ такъ почиталъ, и отъ всѣхъ вѣрованій, которыя были утѣщеніемъ и опорой его жизни. Что произошло въ немъ? Откуда такая перемена? Было ли это результатомъ разумнаго изслѣдованія религіи? Не приобрѣлъ ли онъ убѣжденія, что вѣрованія его были ложны? Нѣтъ, онъ никогда не давалъ себѣ труда подвергнуть изслѣдованію разума догматы вѣры. Но дуновеніе дурныхъ страстей пронеслось надъ его душою. Этотъ молодой человѣкъ уступилъ обольщеніямъ обманивой сирены, которую называютъ сластолюбіемъ. И такъ какъ его вѣра повелѣвала ему противиться ея обольщеніямъ, такъ какъ его христіанская совѣсть протестовала противъ слабостей его сердца, то онъ старался примирить свою совѣсть со своими страстями и затемнить божественныя внушенія вѣры. Недовольный вѣрой за то, что она не позволяетъ ему въ мірѣ наслаждаться радостями порока, онъ обращается противъ нея, онъ ищетъ у науки софизмовъ, чтобы осуждать ее, потому что онъ самъ осуждается ею. И вотъ онъ отвергаетъ вѣрованія своей матери, желаетъ въ глубинѣ своей души, чтобы они не были истинными; его совѣсть побуждаетъ исповѣдывать ихъ, а его страсти въ то же время побуждаютъ отвергать ихъ, чтобы онъ не чувствовалъ себя обязаннымъ покоряться имъ. Онъ заграждаетъ свой разумъ отъ всѣхъ доказательствъ, которыя напоминаютъ ему о божественности его вѣры, онъ объявляетъ ихъ безсильными убѣдить его, и между тѣмъ принимаетъ

безъ повѣрки и безъ изслѣдованія всѣ системы, которыя направлены противъ нея. И это отступленіе отъ вѣры, которое представляютъ намъ какъ результатъ обдуманнаго изслѣдованія разума, вступающаго будто бы во владѣніе своими правами, увы, есть не что иное, какъ только дѣло воли, лишенной мужества.

§: Вотъ, гг., тайна многихъ невѣрій, вотъ причина склонности принимать въ расчетъ болѣе неясности ученія вѣры, нежели широкій пламень религіознаго свѣта, гдѣ истина сіяетъ съ побѣдоноснымъ блескомъ; вотъ объясненіе, почему съ болѣе большимъ удовольствіемъ слушаютъ то, что говорятъ противъ вѣры христіанской, нежели то, что говорится въ ея пользу. Человѣкъ, нравственно совращенный, избѣгаетъ свѣта, потому что свѣтъ избличаетъ его и, если бы онъ былъ приодушенъ, онъ отвѣтилъ бы тѣмъ, которые у него спрашиваютъ отчета въ его невѣріи, словами, которыя Цицеронъ вложилъ въ уста Веллея: „Кто могъ бы перенести это учителя, котораго должно бояться день и ночь, внимая всему и не забывая ничего“¹⁾. Фихте справедливо замѣтилъ: „наша философская система часто есть не что иное, какъ исторія нашего сердца“²⁾. И такъ, если мы искренно любимъ истину, то мы должны бороться противъ этихъ слабостей воли, противъ этого обмана самихъ себя нами самими, должны внести въ изученіе религіи ту совершенную добросовѣстность, которая не задумывается приносить истинѣ всѣ жертвы и исполнять всѣ обязанности, которыя истина налагаетъ на каждаго добросовѣстнаго ея изслѣдователя. Страсть омрачаетъ разумъ и даетъ ложное направленіе сужденію; она покрываетъ душу завѣсою, которая лишаетъ ее созерцанія истины. „Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрять“. Эти слова, гг., выражаютъ законъ столь же философскаго порядка, сколько и порядка сверхъестественнаго. Есть внутреннее сродство между истинною и чистотою сердца. Руссо сказалъ: „Сынъ мой, соблюдай свою душу въ состояніи всегда желать того, что бы былъ Богъ, и ты никогда не будешь сомнѣваться“. Я прибавилъ бы: соблюдай свою душу въ состояніи всегда желать того,

¹⁾ De natura Deorum. I, 54.

²⁾ Théod. I, III.

чтобы религія съ ея догматами, съ ея десятословіемъ, съ ея вѣчными уставами была истинною, и ты никогда не будешь сомнѣваться.

Платонъ далъ хорошее толкованіе этой истины: „Пусть возьмутъ (говоритъ онъ, разсуждая о душахъ омраченныхъ, оматерIALIZED чувственностью), пусть возьмутъ эти души съ ихъ дѣтства, пусть отсѣкутъ и отдѣлятъ отъ нихъ то, что наложили на нихъ чувственныя страсти, пусть ихъ освободятъ отъ ихъ привязанностей къ удовольствіямъ стола и сластолюбію, пусть снимутъ съ нихъ эту тяжесть, которая увлекаетъ къ низшимъ предметамъ взоръ духа: тогда этотъ самый взоръ въ этихъ самыхъ людяхъ, освобожденныхъ отъ этихъ препятствій, направится къ предметамъ истиннымъ и будетъ созерцать ихъ съ проникательностью“¹⁾.

Что справедливо относительно времени Платона, справедливо и относительно нашего времени, и если такъ много людей противится истинѣ, то это потому, что они *не хотятъ понять ее изъ боязни быть обязанными дѣлать добро*.

Сохрани Богъ, чтобы мы смотрѣли на всѣхъ противниковъ вѣры, какъ на подвластныхъ этой тирании страстей, ослѣпляющихъ духъ! Я хочу сказать только, что большее число между ними было бы менѣе враждебно къ религіи, если бы обладало нѣсколько большею долею нравственности въ практической жизни.

Наконецъ, г., если бы, несмотря на вашу добросовѣстность, добрую волю и чистую нравственность, свѣтъ вѣры не озарилъ бы вашихъ умовъ, если бы сомнѣніе осталось, несмотря на дѣлаемые вами усилія достигнуть возжеланныхъ, но постоянно удаляющихся береговъ истины, то что нужно дѣлать? Слѣдуетъ ли отчаиваться въ истинѣ? Нѣтъ, нужно, нужно молиться. „Но какъ молиться? Въ томъ состояніи сомнѣнія, въ которомъ я нахожусь, мнѣ не къ кому обратиться съ молитвою, мое сердце не имѣетъ даже того жертвенника для неизвѣстнаго Бога, который былъ въ Аѳонахъ“.

Нѣтъ нужды; нужно все-таки молиться. Вы не знаете, есть ли Богъ, но вы также не знаете навѣрное, что Его вѣтъ и вы согла-

¹⁾ Républ. lib. VII et IX. 586.

ситесь, что, если Онъ существуетъ, Онъ услышитъ васъ и можетъ придти къ вамъ на помощь. Итакъ вы можете молиться условно, на всякій случай, какъ заблудившійся путникъ ночью кричитъ въ пространство (гдѣ можетъ быть его голосъ затеряется, но гдѣ также, можетъ быть, онъ встрѣтитъ человѣческое ухо, которое услышитъ) и зоветь невидимаго проводника, чтобы навести его на путь.

Бъ Нѣтъ такого человѣка, который, какъ бы ни былъ онъ рѣшителенъ въ своемъ скептицизмѣ, не могъ бы произнести слѣдующей молитвы:

«О, если правда, что есть выше человѣка какое то Существо, болѣе могущественное и лучшее чѣмъ человѣкъ, отъ Котораго человѣкъ зависитъ, я умоляю это Существо Его благостию употребить Свое могущество на помощь мнѣ. Оно видитъ мое искреннее желаніе, мое недовѣріе къ самому себѣ, мое обращеніе къ Нему. О, Существо безконечно совершенное! Если правда, что Ты существуешь и слышишь желанія моего сердца, то откройся мнѣ, сними завѣсу, которая покрываетъ лицо Твое, сохрани меня отъ опасности не знать Тебя, отъ блужданія вдали отъ Тебя и отъ опасности потеряться въ напрасныхъ поискахъ Тебя. О истина, о мудрость, о верховная благодать! Если правда, что Ты все то, что говорятъ о Тебѣ, и что Ты меня сотворилъ для Себя, не потерпи, чтобы я существовалъ для меня самого и чтобы Ты не владѣлъ Твоимъ твореніемъ, открой мнѣ глаза, явись Твоему творенію. ¹⁾»

¹⁾ Fenélon, Première lettre sur la Religion.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки